

Эдгар Аллан По

Убийство на улице Морг

Эдгар Аллан По

Убийство на улице Морг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17099631

Аннотация

«Убийство на улице Морг» – рассказ известного американского новеллиста и автора рассказов в стиле хоррор Эдгара Аллана По (англ. Edgar Allan Poe, 1809-1849). ***

Полиция Парижа в недоумении: кому понадобилось жестокое убийство на улице Морг? На помощь приходит сам Огюст Дюпен, чей невероятный нюх хорошо известен стражам порядка.

Автор также знаменит благодаря произведениям «Спуск в Мальштрем», «Падение дома Эшер», «Свидание», «Тень», «Четыре зверя в одном», «Остров феи», «Поместье Арнгейм» и «Золотой жук».

Эдгара Аллана По считают одним из самых ярких представителей американского романтизма. Создатель современной формы мистического детектива, он завоевал признание читателей готической атмосферностью и психологизмом своих произведений.

Эдгар Аллан По

Убийство на улице Морг

Аналитические способности человека сами по себе весьма мало подходят под анализ. Мы ценим их только по их выводами. Мы знаем о них только то, что они доставляют человеку громадный источник самых истинных наслаждений. Сильный человек наслаждается своей физической мощью, любит упражнения, в которых играют роль его мускулы, а аналитик предпочитает мозговую деятельность, дающую ему возможность исследования. Ему доставляют удовольствие даже самые обыкновенные случаи, представляющие возможность применить свои способности, даже загадки, ребусы, иероглифы.

Способность разгадывания или расследования зависит много от математических знаний, но высшую математику называют несправедливо анализом, потому что не всякий расчет можно назвать этим именем. Игрок в шашки, например, очень удачно рассчитывает, не прибегая к анализу.

Оставляя в стороне абстракции, обратимся к примеру и возьмем игру в шашки, когда действуют только четыре дамки, и, следовательно, нельзя предполагать недостатка внимания. Очевидно, что победа может остаться только на стороне того, – мы берем противников равных, – чья тактика ловчее или у кого сильнее мышление. За недостатком обыкновенных средств, аналитик анатомирует мысли своего противника и часто внезапно находит единственное средство – иногда до глупости простое – втянуть его в ошибку или неверный расчет.

Вист давно приводится в пример игры, действующей на способности расчета; люди весьма высокого развития находят в этой игре невыразимое удовольствие и считают игру в шахматы игрой пустой. Действительно, вист более других игр заставляет работать аналитические способности. Хороший игрок в шахматы только и может быть хорошим шахматным игроком; игрок, искусный в висте, выиграет во всем, где мысль борется против другой мысли.

Способность к анализу не следует смешивать с обыкновенными умственными способностями, хотя аналитик

непременно должен быть умным человеком, но умный человек бывает совершенно лишен способности к анализу.

В подтверждение этой мысли привожу следующий рассказ.

Я жил в Париже всю весну и часть лета 18.. г., и там я познакомился с неким Огюстом Дюпенем. Этот молодой человек, из хорошей и даже знаменитой фамилии, вследствие разных несчастных обстоятельств был доведен до такой бедности, что перестал показываться в свет и даже не пытался восстановить свое положение. Благодаря снисходительности кредиторов, у него оставалась, однако, часть его наследственного имения и доходами с него он мог, хотя очень скудно, удовлетворять главным потребностям жизни. Его единственной роскошью были книги, а в Париже они приобретаются легко.

Наше первое знакомство началось в маленьком, неизвестном кабинете для чтения в улице Монмартр. Первым поводом к нему послужило то, что мы искали одну и ту же книгу, очень замечательную и очень редкую; этот случай сблизил нас. Мы виделись все чаще и чаще. Я был глубоко заинтересован его семейной историей, которую он мне подробно рассказал с скромностью и непринужденностью, свойственными французу, когда он говорит о своих собственных делах.

Я был чрезвычайно удивлен обширностью всего прочитанного им и восхищался в особенности странной пылкостью и возбуждающей свежестью его воображения. Отыскивая в Париже некоторые предметы, необходимые мне для изучения, я увидел, что общество подобного человека будет для меня неоцененным, и с тех пор искренно привязался к нему. Мы решили, наконец, жить вместе, и так как мои дела не были так расстроены, как его, то я и взял на себя наем и меблировку дома, подходящего к нашим причудливым, меланхолическим характерам. Я нанял старый, странный домик, в котором не жил никто вследствие каких-то предрасудков, для нас, конечно, не имевших смысла, – в самой отдаленной и пустой части сен-жерменского предместья.

Если бы наш образ жизни стал известен, нас сочли бы за помешанных. Уединение наше было полное, к нам не ходил никто из знакомых. Место нашего жительства никому не было известно, потому что мы тщательно хранили его в тайне, и жили с глазу на глаз.

У друга моего были некоторые странности, например, он любил ночь из любви к ночи, – ночь была его страстью. Я сам мало-помалу вошел во вкус этой странности, как и во многие другие, ему свойственные. Так как мрак не мог быть постоянным, то мы производили искусственную ночь. Мы закрывали плотно ставни, зажигали лампы, ароматические свечи и занимались или беседовали до тех пор, пока часы не давали

знать, что действительная ночь наступила. Тогда мы отправлялись на улицу и, гуляя под-руку до рассвета, продолжали наши беседы.

Поселившись вместе с Дюпенем, я не мог не заметить и не восхищаться его аналитическими способностями. Он находил истинное наслаждение применять к делу свою способность и признавался, какое удовольствие это ему доставляет. Он с улыбкою говаривал мне, что у многих людей для него открыто окошко в том месте, где у них сердце. Свои слова он обыкновенно сопровождал немедленными доказательствами, поражая меня доводами глубокого знания моей собственной особы.

В такие моменты манеры его были холодны, и он казался рассеянным; взор смотрел куда-то в даль, а голос, – обыкновенно густой тенор, – возвышался до фальцета. Я наблюдал за ним в такие минуты и думал о двойной душе – старой философии...

Раз вечером мы шли по длинной, грязной улице, недалеко от Пале-Рояля. Оба мы, по-видимому, углубились в свои собственные мысли и с четверть часа не проронили ни словечка. Вдруг Дюпен проговорил следующее:

– Действительно, он слишком мал ростом и был бы более у места в театре Варьете.

– Это не подлежит сомнению, – отвечал я, не думая и не замечая сначала, что товарищ мой вслух продолжал мою мысль. Через минуту я опомнился.

– Дюпен, – серьезно сказал я, – это выше моего понимания. Признаюсь, что я поражен и едва верю своим ушам. Как могло случиться, что вы угадали, что я думаю о...

Я остановился, чтобы убедиться, что он точно угадал, о ком я думал.

– О Шантильи, – сказал он; – зачем остановились? Вы мысленно замечали, что он по своему маленькому росту не годится для трагедии.

Я, действительно, об этом думал. Шантильи был когда-то башмачником в улице Сен-Дени и, страстно любя театр, принял роль Ксеркса в трагедии Кребильона; претензии его были выше средств, и над ним потешались.

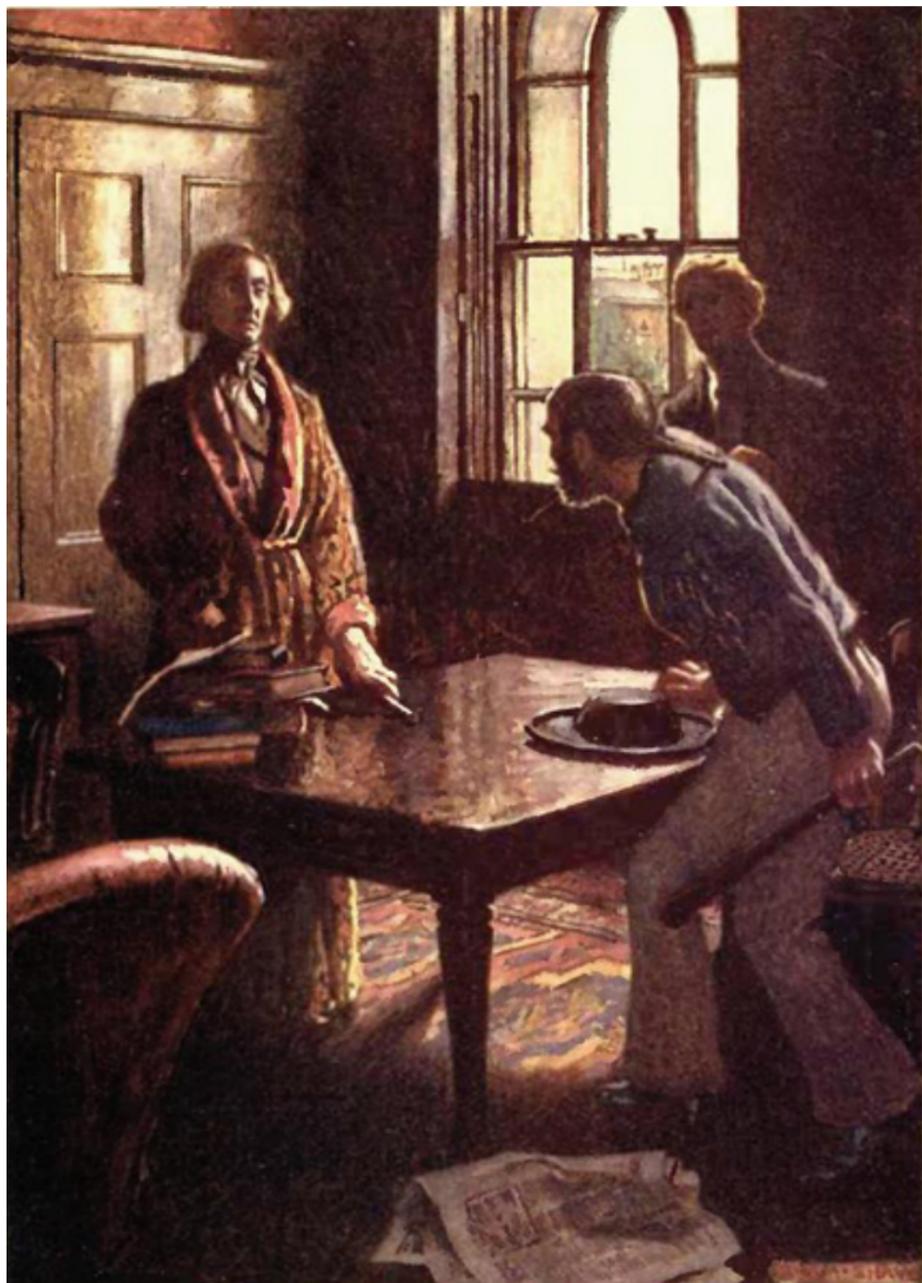
– Скажите мне, ради Бога, метод, – если только он у вас есть, – как вы проникли в мою душу в настоящем случае?

Действительно, я был более удивлен, чем мог выразить.

– Вас, – отвечал мой друг, – довел до заключения, что чеботарь не годится по фигуре для роли Ксеркса и вообще для ролей этого рода, зеленщик.

– Зеленщик? Вы удивляете меня! Я не знаю никакого зеленщика.

– Человек, который натолкнулся на вас, когда мы входили в эту улицу, может быть, с четверть часа тому назад.

Тут я вспомнил действительно, что зеленщик с огромной корзиной на голове чуть не сбил меня с ног, когда мы входили в ту улицу, по которой теперь шли. Но какое отношение имело это с Шантильи? Я не мог никак сообразить.

В друге моем Дюпене не было и тени шарлатанства.

– Я вам объясню это, – сказал он, – а чтобы вы легче поняли, мы проследим всю нить размышлений ваших от настоящей минуты до встречи вашей с зеленщиком. Главные звенья вашей цепи следуют друг за другом так: Шантильи, Орион, доктор Никольс, Эпикур, стереотомия, мостовая, зеленщик.

Очень немногим случается проследивать обратный ход своих мыслей и доискиваться, каким путем мысль их дошла до известного вывода. Часто занятие это представляет интерес, и человек, делающий пробу в первый раз, удивляется несвязности и громадному, по-видимому, расстоянию от точки отправления до точки вывода.

Судите же о моем удивлении, когда я услышал объяснения француза и должен был сознаться, что он сказал сущую правду.

Он продолжал:

– Если не ошибаюсь, мы говорили о лошадях, когда входили в эту улицу. Это было последней темой нашего разговора. Когда мы вошли в улицу, зеленщик с громадной корзиной на голове быстро прошел мимо нас и столкнул вас на грудь кам-

ней, приготовленных для исправления мостовой. Вы ступили на один из качающихся камней, оступились, ушибли ногу и рассердились. Вы проворчали что-то, потом обернулись, чтобы взглянуть на груду, потом молча пошли далее. Я не вполне внимательно наблюдал за вами, но для меня наблюдательное положение давно уже сделалось необходимостью.

– Взор ваш был устремлен на мостовую, и вы с досадой смотрели на ямы и неровности ее (так что я видел, что вы все еще думаете о камнях) до тех пор, пока мы не дошли до маленького прохода под названием пассажа Ламартина, где делается проба деревянной мостовой по системе гладких брусьев, твердо скрепленных между собою. Тут выражение лица вашего прояснилось, я видел, как губы ваши зашевелились, и я тотчас же догадался, что вы шепчете слово стереотомия – термин, которым называют эту мостовую. Я знал, что вы не могли сказать стереотомия, не подумав об атомах и не перейдя к Эпикуру. А так как в разговоре, который мы вели недавно с вами, я вам сообщил, что предположения знаменитого грека странно подтвердились последними теориями о туманных пятнах и последними космогоническими открытиями, то я чувствовал, что вы непременно должны были обратить ваши взоры на созвездие Орион. Вы не обманули моих ожиданий, и я тогда же уверился, что ухватил нить ваших мыслей. Во вчерашнем отзыве о Шантильи критик «Музея», делая нелюбезные намеки на башмачника, обувавшего котурны, цитировал латинский стих, о котором мы часто го-

ворили:

Perdidit antiquum littera prima sonum.

– Я вам говорил, что он имел отношение к Ориону, который писался первоначально Урионом, а так как в этом разговоре вы очень горячились, то я был уверен, что вы не забыли его. Мне было ясно, что вы должны были соединить мысль об Орионе и Шантильи. Эту ассоциацию идей я угадал по вашей улыбке. Вы думали о падении бедного башмачника. До тех пор вы шли сгорбившись, но тут вдруг выпрямились во весь рост. Я был твердо уверен, что в эту минуту вы думали о маленьком росте Шантильи. В эту-то минуту я и прервал ваши размышления замечанием, что, действительно, этот маленький недоросток Шантильи был бы гораздо более у места в театре Варьете.

Вскоре после этого разговора мы читали вечернюю газету *Gazette de tribunaux*, и следующие слова привлекли наше внимание.

«Странное двойное убийство. Сегодня утром, часов около трех, обитатели квартала Сен-Рок были встревожены страшными криками, по-видимому, из четвертого этажа одного из домов в улице Морг, занятого некоей госпожой Эпене и ее дочерью девицей Камиллой Эпене. После бесполезных усилий отворить дверь, ее пришлось выломать и восемь или десять соседей вошли в дом в сопровождении двух

полицейских.

Между тем крики прекратились. В ту минуту, как народ в беспорядке поднимался в первый этаж, сверху слышалось два голоса или, может быть, даже более, сердито спорившие. На площадке второго этажа голосов не стало уже слышно и все затихло. Соседи рассыпались по комнатам. Войдя в большую комнату, окнами во двор, в четвертом этаже дома, в которую тоже пришлось выломать дверь, замкнутую изнутри на ключ, присутствующие были поражены ужасом и удивлением.

Комната оказалась в страшном беспорядке, – мебель разбита и разбросана; матрац с кровати стащен и брошен посреди комнаты. На стуле лежала бритва, запачканная в крови, на очаге найдены длинные пряди седых волос, по-видимому, силою вырванных из головы. На полу валялись два золотых, серьга с топазом, три большие серебряные ложки, три маленькие ложки накладного серебра и два мешка, в которых оказалось около четырех тысяч золотом. Ящики комода были открыты и, вероятно, ограблены, хотя многие вещи оказались нетронутыми. Под нижним тюфяком на кровати найдена маленькая железная шкатулка. Она была открыта торчавшим в ней ключиком и в ней лежали старые письма и другие ничего не значащие бумаги.

Г-жи Эпене не оказывалось и следов; но на очаге было замечено необыкновенное количество золы, и когда стали осматривать трубу – страшно сказать! – вытащили тело дочери, которое было силою втиснуто

в трубу, голову вниз, на значительную высоту. Тело было еще теплое. При осмотре нашли на нем множество повреждений, причиненных, вероятно, усилиями, с какими его впахивали в трубу и с какими вытаскивали. На лице виднелись большие царапины и глубокие следы от ногтей, как будто бы смерть произошла от удушья.

После тщательного осмотра всего дома, не приведшего ни к какому новому открытию, соседи пошли на маленький вымощенный двор сзади дома. Там лежало тело старухи, горло которой было перерезано так сильно, что когда тело начали поднимать, голова отделилась от туловища. Тело и голова были страшно изуродованы, и едва имели образ человеческий.

Все это дело остается страшной тайной, и до сих пор еще по найдено, сколько нам известно, никакой руководящей нити к его раскрытию».

В следующем номере мы прочли добавочные подробности.

«Драма в улице Морг. Множество свидетелей было опрошено, но ничего не открылось, что бы бросало хотя малейший свет на это дело. Мы сообщим, что узнали:

Полина Дюбур, прачка, показала, что она знала обе жертвы в продолжение трех лет и что все это время стирала на них. Старуха и ее дочь, казалось, находились в хороших отношениях, и были очень привязаны друг к другу. Они были хорошие плательщицы. Об их образе жизни и средствах существования она ничего сказать не может, но полагает, что г-жа Эпене, чтобы иметь средства к жизни, занималась гаданьем. Про нее говорили, что она имеет деньги. Прачка никогда никого не встречала в доме, когда приносила белье или приходила за ним. Она уверена, что убитые не держали прислуги. Ей казалось, что дом был без мебели, за исключением четвертого этажа.

Пьер Моро, табачный торговец, показал, что он обыкновенно поставлял табак г-же Эпене, в небольшом количестве и иногда растертый в порошок. Он родился в этом квартале и постоянно жил в нем. Покойница и дочь ее более шести лет живут в доме, где нашли их трупы. Но ранее дом занимал золотых дел мастер и отдавал верхние этажи в наем различным жильцам. Дом принадлежал г-же Эпене. Она оказалась очень недовольной жильцами за неопрятность и переехала в

дом сама. Старуха уже впадала в детство. Свидетель видел дочь раз пять-шесть в продолжение этих шести лет. Обе они вели чрезвычайно уединенную жизнь и считались обеспеченными. Он слышал от соседей, будто г-жа Эпене занимается гаданьем, но не верит этому. Свидетель никогда не видел никого, кто бы входил в дом, за исключением старухи и ее дочери, раз или два посыльного и раз восемь или десять доктора.

Остальные свидетели показали то же самое. Никто не видел, входил ли кто-нибудь в дом или нет, и никто не знал, были ли родственники у старухи и ее дочери. Ставни передних окон дома открывались весьма редко. Ставни задних окон тоже всегда были закрыты, за исключением большой комнаты четвертого этажа. Дом был хорошо выстроен и не очень стар.

Изидор Мюзе, полицейский, показал, что, идя обходом, около трех часов утра, он увидел у дверей дома двадцать или тридцать человек, старавшихся проникнуть в дом. Отворить дверь было нетрудно, так как она была двухстворчатая, и не была заперта на задвижку ни вверху, ни внизу. Крики продолжались до тех пор, пока не выломали дверей; потом внезапно прекратились. Можно было подумать, что кричало несколько человек от страшной боли; крики были очень громкие и протяжные. Свидетель поднялся по лестнице. Войдя на первую площадку, он услышал два голоса, громко и злобно кричавшие; один голос очень грубый, другой – резкий и чрезвычайно странный. Свидетель разобрал несколько слов первого голоса,

очевидно, француза. Но то был голос не женский. Свидетель слышал слова: черт и дьявол. Резкий же голос принадлежал иностранцу, но был ли то голос мужчины или женщины, он не знает. Слов разобрать он тоже не мог, но думает, что они говорили по-испански. О состоянии комнаты свидетель показал то же, что и предыдущие.

«Генрих Дюваль, сосед, серебряник, показал, что он был в числе людей, вошедших первыми в дом. Вообще, он подтверждает показания Мюзе. Только что они вошли, они тотчас же заперли за собою дверь, чтобы не пускать толпу, которая начала набираться. Резкий голос, по мнению свидетеля, принадлежал итальянцу; достоверно, что это не был голос француза. Свидетель не знает наверное, женский ли это голос или мужской; может быть, и женский. Свидетель не знает итальянского языка; он не мог различить слов, но уверен, что говоривший говорил по-итальянски. Свидетель знал г-жу Эпене и ее дочь и часто говорил с ними; он уверен, что резкий голос не был голосом которой-нибудь из них.

Оденгеймер, трактирщик, явился без вызова. Он не говорит по-французски и показывал через переводчика. Свидетель родился в Амстердаме. Он проходил мимо дома во время криков; крики длились несколько минут, может быть, десять. То были продолжительные, очень громкие, страшные крики, – крики, раздирающие душу. Оденгеймер был в числе свидетелей, вошедших в дом. Он подтверждает предыдущие показания, за

исключением одного. Он уверен, что резкий голос был голос француза. Слов разобрать он не мог. Говорили громко и скоро, не ровным тоном, выражавшим и страх, и гнев. Голос был скорее хриплый, чем резкий. Грубый же голос несколько раз повторял: черт, – дьявол, а раз сказал: Господи!

Жюль Миньо, банкир «дома Миньо и сына», в улице Делорен, – старший из фамилии Миньо. У г-жи Эпене было состояние. Весною, восемь лет тому назад, он взял на себя ее дела. Она часто вкладывала к нему небольшие суммы денег и вынула от него в первый раз сумму в четыре тысячи, за которой являлась сама. Сумма эта была выплачена ей золотом, и отнести деньги было поручено приказчику.

Адольф Лебон, приказчик у «Миньо и сына», показал, что в указанный день, около полудня, он провожал г-жу Эпене домой с четырьмя тысячами франков в двух мешках. Когда им отворили двери, явилась мадемуазель Эпене и взяла от него один мешок, а другой взяла мать. Он раскланялся и ушел. На улице никого не было. Улица кривая, совсем глухая.

Уильям Бёрд, портной, показал, что он был в числе вошедших в дом. Он англичанин. Два года он живет уже в Париже. Он поднялся по лестнице одним из первых и слышал, как кто-то бранился. Грубый голос был голос француза. Он расслышал несколько слов, но не помнит, каких. Ясно, однако, слышал: черт и дьявол. Шум был такой, как будто дрались несколько человек. Резкий голос был гораздо громче грубого голоса. Свидетель

уверен, что это не был голос англичанина. Скорее это был голос немца, или женщины. Свидетель не говорит по-немецки.

Четверо упомянутых свидетелей были вызваны снова и показали, что дверь комнаты, где было найдено тело мадемуазель Эпене, была замкнута изнутри. Все было совершенно тихо; не слышалось ни стонов и ничего другого. Выломав двери, они никого не видали.

Окна в задней комнате и в передней были закрыты и тщательно задвинуты изнутри. Внутренняя дверь была затворена. Дверь из передней комнаты в коридор была заперта на ключ, и ключ был изнутри; маленькая комната на лицевой стороне дома в четвертом этаже, при входе в коридор, была отворена почти настежь; в этой комнате были свалены старые чемоданы, кровати и т. д. Все эти вещи были тщательно осмотрены. В доме все было тщательно исследовано. Трубочисты лазили в трубы. Дом в четыре этажа и с мансардами. Слуховое окно, ведущее на крышу, оказалось заделанным и плотно заколоченным гвоздями; по-видимому, его не открывали уже много лет. Показания расходились только в продолжительности времени с той минуты; когда слышались бранившиеся голоса, до тех пор, пока выломали дверь комнаты. Некоторые свидетели определяют его в две или три минуты, другие в пять. Дверь отворили с большим трудом.

Альфонс Гарцио, гробовщик, показал, что он вошел в дом одним из первых. Он живет в улице Морг, а родился в Испании. Он не поднялся на лестницу, так

как у него слишком слабы нервы, и он боится всякого сильного потрясения. Кричавшие голоса он слышал. Грубый голос был голос француза. Что он говорил, он различить не мог. Резкий голос был голос англичанина, в этом он уверен. Свидетель не знает по-английски, но судит по интонации.

Альберто Монтани, кондитер, показал, что он одним из первых вошел на лестницу. Он слышал голоса. Грубым голосом говорил француз. Свидетель разобрал несколько слов. Говоривший, казалось, делал упреки. Он не мог разобрать, что говорил резкий голос, но это были звуки быстрые и отрывистые. Свидетель принял их за говор русского. Вообще, он подтверждает предыдущие показания. Сам он итальянец и никогда не говорил с русскими.

Некоторые из свидетелей, вызванные снова, показали, что трубы во всех комнатах четвертого этажа слишком узки, чтобы в них мог пролезть человек, и, следовательно, ни в одну из них, в то время, как свидетели поднимались по лестнице, убийца выскочить не мог. Тело девицы Эпене было так втиснуто в трубу, что четверо или пятеро из свидетелей едва вытащили его оттуда.

Поль Дюма, доктор, показал, что на рассвете его призвали осмотреть тело. Оба тела лежали на постели в той комнате, где была найдена девица Эпене. Тело молодой особы было страшно избито и обезображено. Повреждения объясняются усилием, с каким оно было втиснуто в трубу. Горло было все исцарапано. Под

подбородком виднелось несколько знаков и целый ряд синих пятен, очевидно, от давления пальцев. Лицо было страшно отекшее и глаза совершенно выкатились. Язык разрезан пополам. Около желудка шел широкий знак, очевидно, происшедший от натиска коленом. По мнению Дюма, девица Эпене была задушена одним или несколькими преступниками.

Тело матери было страшно изуродовано. Все кости левой ноги и руки более или менее раздроблены; левая голень разбита в дребезги, также как и ребра той же стороны. Все тело страшно изувечено и обезображено. Трудно сказать, чем могли наноситься подобные удары. Только тяжелая деревянная плаха или широкая железная полоса, или какое-нибудь страшно тяжелое орудие могли бы произвести такие повреждения, да и то в руках необыкновенно сильного человека. Никакая женщина, каким бы то ни было орудием, не могла бы нанести подобных ударов. Когда свидетель осматривал тело, голова совершенно была отделена от туловища и, подобно всему остальному, страшно изуродована. Горло, по всей вероятности, было перерезано каким-нибудь страшно острым орудием, должно быть бритвой.

Александр Этэн, хирург, призванный в то же самое время, как и г. Дюма, подтвердил все его показания.

Полиция совершенно растерялась, – случай слишком необыкновенный, и для раскрытия дела нельзя отыскать никакой нити».

Вечерний номер подтверждал, что в квартале Сен-Рок

не переставало царствовать сильное волнение, что на месте преступления был произведен второй осмотр, свидетели опрошены еще раз, и все-таки без малейших результатов. В конце статьи говорилось, что Адольф Лебон, приказчик банкового дома, был арестован и заключен, хотя ничто не дает повода обвинять его.

Дюпен казался необыкновенно заинтересованным этим делом, но ничего не говорил. Только после арестования Лебона он спросил, какого я мнения об этом двойном убийстве.

Я должен был признаться ему, что, подобно всему Парижу, считал убийство неразрешимую тайной. Я не видел возможности отыскать следы убийцы.

– Нам и не надо думать о возможных средствах, – сказал Дюпен, – особенно при таком поверхностном следствии. Парижскую полицию хвалят за ее проницательность; правда, она очень хитра, и только. Но разве у нее есть какой-нибудь метод? Впрочем, прежде чем высказывать свое мнение, нужно осмотреть все самим. Мы отправимся на место и собственными глазами осмотрим все. Я знаю Г..., префекта полиции, и мы без труда получим нужное дозволение.

Дозволение было получено, и мы отправились в улицу Морг. Это один из жалких парижских переулков, соединяющих улицу Ришелье с улицей Сен-Рок. Мы очень скоро нашли дом, потому что толпа зевак с глупым любопытством смотрела на его закрытые ставни. То был дом, как все дома Парижа, с входной дверью и с углублением в сенях для

помещения привратника. Прежде чем войти в дом, мы прошли по улице, повернули в боковой переулок и прошли за-
дами домов. Дюпен осматривал дом и все, что его окружало,
с необыкновенным вниманием, которого я понять не мог.

Мы вернулись снова к лицевой стороне дома; позвонили,
показали дозволение и вошли. В доме сохранялось все в том
же беспорядке, в каком было найдено при акте осмотра. Дю-
пен тщательно исследовал даже тела убитых. Обойдя ком-
наты, мы спустились во двор, – конечно, в сопровождении
полицейского. Наш осмотр тянулся очень долго, и мы вы-
шли из дома уже ночью. На возвратном пути Дюпен зашел
на несколько минут в контору одной ежедневной газеты.

Я уже говорил, что у друга моего были всевозможные
странности и что я снисходил к ним. Теперь ему пришла
фантазия до следующего дня не говорить ничего об убий-
стве. И только на следующий день он вдруг спросил меня,
не заметил ли я чего-нибудь особенного на месте преступ-
ления?

В интонации его голоса, когда он произнес особенного,
было что-то такое, отчего я вздрогнул.

– Нет, ничего особенного, – ответил я, – по крайней мере,
ничего такого, чего бы мы не читали вместе в газетах.

– Газеты, – продолжал он, – кажется, и не поняли всю наг-
лость этого дела. Впрочем, что нам за дело до глупых сужде-
ний печати. Мне кажется, что тайну эту считают непроница-
емой именно по тем причинам, по каким следовало бы счи-

тать ее легко проницаемой: я говорю о характере преступления. Полиция смущена не видимым отсутствием причин убийства, а его жестокостью. Кроме того, ее сбивает невозможность представить себе кричавшие голоса в такой комнате, откуда нельзя было выйти, не встретившись на лестнице с народом, шедшим наверх. Странный беспорядок в комнате, тело, засунутое в трубу вниз головой, страшное изуродование тела старухи, – все это совершенно парализовало полицию и сбilo ее с толку. А между тем в случаях, подобных настоящему, нужно доискиваться не того, каким образом совершилось преступление, а надо изучить, чем оно отличается от всего, что бывало до сих пор. Я добрался до разгадки тайны именно тем, что делало ее неразрешаемой в глазах полиции.

В немом удивлении смотрел я на своего друга.

– Я жду теперь, продолжал он, взглянув на дверь, человека, который хотя и не был действующим лицом в страшной драме, но, тем не менее, должен быть причастен к ней. Очень может быть, что он не виноват в преступлении. Я надеюсь, что не ошибаюсь в своем предположении, так как на нем я основываю свою надежду разгадать всю загадку. Я жду этого человека к себе с минуты на минуту. Конечно, он может и не прийти; но есть вероятие, что он явится. Если он придет, надо смотреть за ним. Вот пистолеты. Вы и я знаем, что с ними делать, когда того потребует необходимость.

Я взял пистолеты, сам не зная хорошенько, что делаю, и

едва веря своим ушам; Дюпен между тем продолжал:

– Голоса, кричавшие наверху в то время, как свидетели поднимались на лестницу, были не голоса несчастных женщин, – это уже доказано и нас это избавляет от попытки дознать, не убила ли старуха свою дочь и потом убилась сама. Я говорю это больше так, потому что у г-жи Эпене не достало бы силы всунуть тело дочери в трубу. Повреждения же на ее собственном теле опровергают предположение о самоубийстве. Следовательно, убийство совершено третьими лицами, голоса которых и слышались сверху. Теперь позвольте обратить ваше внимание на нечто особенное в показаниях, касающихся голосов. Что вы заметили?

– Я заметил, что все признавали единогласно грубый голос за голос француза, а относительно резкого голоса или хриплого, как определил его один свидетель, мнения расходились.

– Это подтверждает только очевидность, – заметил Дюпен, – но не особенность очевидности. Вы ничего не заметили особенного, а между тем можно было кое-что заметить. Все свидетели согласны относительно грубого голоса и все разногласят относительно резкого; но дело не в разногласии, а в особенности этого разногласия. Вы заметили, что итальянец, англичанин, испанец и голландец говорят, что слышали голос иностранца, но не соотечественника. Всякий говорит о национальности ему совершенно неизвестной. Француз говорит, что слышал голос испанца, но что испанский язык

ему незнаком. Голландец, незнающий французского языка, говорит, что слышал голос француза. Англичанин – что это голос немца, но прибавляет, что он не знает по-немецки, и т. д. Все основывается на интонации. Странен же должен быть голос, о котором делаются подобные показания и в котором представители пяти европейских народов не находят знакомых звуков. Теперь я обращаю ваше внимание на следующие три разноречия. Один свидетель описывает голос так: «скорее хриплый, чем резкий», другой говорит отрывистый и быстрый. Свидетели не разобрали слов, ни даже звука, похожего на слово.

– Сопоставление этих показаний совершенно достаточно, чтобы возбудить подозрение и указать путь, по какому надо идти к открытию тайны.

– Подозрение, явившееся вследствие показания о голосах, заставило меня делать осмотр комнаты уже с известной мыслью.

– Теперь перенесемся в эту комнату. Прежде всего, надо узнать, каким образом убийцы могли уйти. Двери найдены затворенными, труба оказалась слишком узкою наверху, полиция поднимала пол, осматривала стены, потолок и не нашла тайного выхода.

– В комнате два окна. Одно из них не заставлено мебелью и совершенно видно. Нижняя сторона другого заставлена изголовьем кровати, очень массивной, приставленной к самому окну. Осмотр говорит, что первое окно было плотно за-

крыто изнутри. Оно устояло против усилий свидетелей, желавших отворить его. В раму его с левой стороны провертели большую дыру буравом и нашли большой гвоздь, вбитый чуть не до шляпки. Осмотрев другое окно, нашли вбитым такой же гвоздь; а отворить раму оказалось также невозможным, как и с другой стороны. Полиция уверилась, что в окна нельзя было уйти, и потому не выдергивала гвоздей и не пробовала отворять окон.

– Мой осмотр был тщательнее: надо было доказать, что невозможность была только кажущаяся.

– Я соображал так: убийцы убежали через одно из окон, и, следовательно, не могли запереть его изнутри, как оно было найдено во время осмотра. Окна были хорошо закрыты. Значит, они закрывались сами собою. Другого ничего нельзя было вывести. Я был уверен, что найду какую-нибудь пружинку, и не ошибся: я ее нашел; придавил – и, довольный своим открытием, не стал открывать окна.

– Я вложил гвоздь на место и внимательно осмотрел его. Если человек, вылезая из окна захлопнул бы его, защелка защелкнулась бы и гвоздь не мог бы оказаться на своем месте. Это соображение было ясно и облегчало мои исследования. Убийцы должны были выйти в другое окно. Предполагая, что защелки обоих окон одинаковы, надо было найти разницу в гвоздях или в способе их укрепления. Я влез на изголовье кровати и сверху тщательно осмотрел другое окно. Пропустив руку, я нашел пружинку защелки, придавил

ее и увидел, что она такая же, как и в другом окне. Тогда я начал осматривать гвоздь. Он был такой же большой и точно также вбит до самой шляпки.

– Вы, может быть, думаете, что меня смутило мое открытие? Напротив, я не сделал ни одного промаха, ни на минуту не выпустил из виду следа, не потерял ни одного звена моей логической цепи. Я проследил секрет до его последнего момента, и этим моментом был гвоздь. Он во всех отношениях походил на своего товарища в другом окне; но этот факт становился ничтожным в виду главной мысли, что на этом гвозде оканчивается путеводная нить. В гвозде должно быть что-нибудь испорчено. Я стал его трогать, и шляпка, с кусочком гвоздя, осталась у меня в руках, конец же гвоздя остался в отверстии. Этот перелом был старый, так как края были заржавлены, и переломился он, очевидно, от удара молотка, вдавившего шляпку в раму. Я тщательно вложил на старое место шляпку с кусочком гвоздя, снова принявшего вид цельного. Я подавил пружинку, тихонько открыл окошко; головка гвоздя подвинулась вместе с рамой; тогда я запер окошко, и гвоздь вошел опять в свое место и казался цельным.

– Загадка была разгадана: убийца убежал через окно, примыкающее к постели. Захлопнулось ли окно само за убийцей или было заперто, во всяком случае, оно задерживалось защелкой, а полиция приписала это гвоздю, и дальнейшие розыски считала лишними.

– Теперь надо решить, каким образом убийца спустился из окна. Я соображал это, когда мы обходили здание. Футов за пять с половиною от окна идет громоотвод; по нем трудно было бы кому бы то ни было добраться до окна, а тем более влезть в окно.

– Ставни четвертого этажа совершенно особенные, вышедшие из моды; такие ставни можно видеть только еще в Лионе и в Бордо. Их делают как обыкновенную одностворчатую дверь; нижняя часть прозрачная, решетчатая, и за решетины можно ухватиться руками. Ставни шириною фута в три с половиною. Когда мы осматривали их, они были открыты на половину, то есть образовывали прямой угол со стеной. Вероятно, полиция, осматривая дом с задней стороны, не обратила внимания на ширину ставней или считала это неважным. Когда было решено, что бегство из окон невозможно, полиция стала осматривать спустя рукава.

– Мне тотчас бросилось в глаза, что ставень окна у изголовья кровати, откинутый плотно к стене, пришелся бы фута за два от громового отвода. Для меня было ясно, что, при безумной энергии и отваге, можно было при помощи отвода влезть в окно, предполагая ставень совершенно открытым, и упираясь ногою в его решетку. Уцепившись хорошенько за ставень, преступник мог прыгнуть в комнату, если только окно было отворено, и отхлопнуть снова ставень.

– Заметьте, что я говорю о необыкновенной энергии, необходимой для такого трудного и отважного предприятия.

Я хочу вам доказать прежде всего, что бегство возможно, а главное – хочу обратить ваше внимание на то, что при этом требовалось проворство необыкновенное и почти сверхъестественное. Ясно, что преступник вошел и вышел одною и тою же дорогой. Теперь вернемся в комнату. Говорят, что ящики комода частью были ограблены, а между тем платья найдены нетронутыми. Это только предположение, и предположение весьма глупое. Почему мы знаем, что вещи, найденные в ящиках, не все налицо? Если бы в комнате был вор, зачем бы он оставил четыре тысячи франков золотом и унес бы узел с бельем? Следовательно, мысли о воровстве не было.

– Теперь обратите внимание на следующее: странный голос, немислимая ловкость и отсутствие корыстных видов при таком жестоком убийстве. Сообразим самое убийство. Вот женщина, задушенная руками и втиснутая вниз головою в трубу. Обыкновенные убийцы не совершают таких убийств и не прячут так своих жертв. Вы согласитесь, что засунуть подобным образом тело слишком необыкновенно и несовместно с людскими поступками, хотя бы преступники были самые испорченные злодеи. И какая же требовалась для того сила, если несколько человек едва могли вытащить труп из трубы.

– Обратим внимание еще и на другие доказательства этой необыкновенной силы. На очаге нашли пряди волос, очень густых седых волос; волосы оказались вырванными с корня-

ми. Вам известно, какую силу нужно иметь, чтобы вырвать из головы двадцать-тридцать волос сразу? А эти пряди вырваны с телом!..

– Горло старухи не только было надрезано, но голова совершенно отделена от туловища простой бритвой. Заметьте и эту животную жестокость. Я уже не говорю о повреждениях на теле г-жи Эпене, которые могли произойти от падения из четвертого этажа, на что не обратила внимания полиция, считавшая, что окна оставались закрытыми.

– Какое впечатление выносите вы из фактов: необыкновенной ловкости, животного хищничества, беспричинной кровожадности, странного голоса, незнакомого представителям пяти наций и не имеющего никаких внятных слов?

– Совершил убийство какой-нибудь бешеный, убежавший из сумасшедшего дома, – сказал я.

– Недурно, ответил Дюпен; – мысль ваша почти верна. Но голос сумасшедшего, даже во время припадков безумия, не может сравниться с тем, что говорили об этом голосе. Кроме того, волосы сумасшедшего не походят на то, что теперь у меня в руке. Я вынул этот клочок из сжатой руки г-жи Эпене. Что вы об них думаете?

– Дюпен! – сказал я, совершенно ошеломленный, – эти волосы необыкновенные; это не человеческие волосы!

– Я и не говорю, что они человеческие, но прежде, чем решить, чьи они, взгляните на рисунок, который я снял на бумажку. Эти следы, очевидно, сделаны пальцами.

– Вот посмотрите, – продолжал мой друг, раскладывая рисунок, – не правда ли, что рука сильная, и незаметно, чтобы пальцы скользили; каждый, как видно, оставался на своем месте, пока жертва не умерла. Попробуйте наложить ваши пальцы на рисунок.

Я попробовал, но не мог растянуть настолько своих пальцев.

– Может быть, – продолжал Дюпен, – мы не так делаем опыт. Бумага разложена на плоской поверхности, а горло имеет цилиндрическую форму. Вот круглое полено, почти одинаковой толщины с горлом. Оберните его рисунком и повторите свой опыт.

Я повиновался, но трудность стала еще очевиднее, чем в первый раз.

– Это, – сказал я, – след не человеческой руки.

– Теперь, сказал Дюпен, – прочтите это место у Кювье. То было описание большого орангутанга. Я сразу понял все.

– Описание пальцев, сказал я, прочитав, – вполне подходит под ваш рисунок. Никакое животное, за исключением орангутанга, и именно индейского, не могло бы сделать таких знаков, какие вы нарисовали. Клок темной шерсти тоже подходит, под описание Кювье. Но я не могу хорошенько объяснить себе подробностей убийства. Ведь свидетели слышали два голоса, и один из них был, несомненно, голос француза.

– Справедливо; и вы, конечно, помните, что почти все

свидетели единогласно приписывали грубому голосу восклицание: «Господи!» Один из свидетелей показал, что это слово было произнесено с упреком и досадой. На этом-то слове я и основал надежду совершенно распутать дело. Какой-нибудь француз знал об убийстве. Очень может быть, даже более, чем вероятно, что он неповинен в участии. Орангутанг ушел от него. Очень может быть, что он проследил за ним до самой комнаты, но не мог схватить его при совершившихся страшных обстоятельствах. Все это только предположения и ничего более. Если этот француз не принимал, как я предполагаю, участия в деле, то объявление, которое я занес вчера, когда мы возвращались домой, в контору газеты «Свет», – газеты морской и очень распространенной между моряками, – привлечет его сюда.

Он подал мне газету, и я прочел:

«Объявление. – Утром на... число (день убийства) в Булонском лесу был найден огромный орангутанг с острова Борнео. Хозяин его – сколько известно, моряк с мальтийского корабля – может получить животное, представив доказательства и заплатив за его поимку и содержание. Адресоваться в улицу... N... Сен-жерменского предместья, в третий этаж».

– Почему же вы знаете, что француз – моряк, и даже с мальтийского корабля?

– Я и не знаю, – сказал он, – и вовсе не уверен в этом. Но вот небольшой кусочек тесемки, который по своему сально-

му виду, должно быть, служил для завязывания волос на голове. Такие узелки делают только одни мальтийские моряки. Я нашел тесемочку у громового отвода. Не может быть, чтобы она принадлежала которой-нибудь из убитых. Во всяком случае, если я ошибся, думая по тесемке, что француз – моряк с мальтийского корабля, то я своим объявлением не повредил никому. Если же я не ошибся, то многое выиграл. Француз, знающий об убийстве, хотя и неповинный в нем, конечно, поколеблется ответить на объявление – потребовать своего орангутанга. Он будет рассуждать так: «Я невинен; я беден; а мой орангутанг имеет большую цену – это почти целое состояние при моем положении; к чему мне потерять его из-за каких-то глупых опасений? Обезьяну нашли в Булонском лесу, – далеко от места преступления. Разве кто-нибудь станет подозревать, чтобы бессмысленное животное могло наделать что-нибудь подобное? Полиция растерялась и не могла напасть ни на какой след. Хотя бы животное и подозревалось, то кто может доказать, что я знал об убийстве, или обвинить меня за то, что я знал. Если же я не откликнусь на вызов, то скорее навлеку на себя подозрение, – ergo, лучше пойду и возьму своего зверя».

В эту минуту послышались поспешные шаги человека, поднимавшегося по лестнице.

– Приготовьтесь, – сказал Дюпен, – возьмите пистолеты, но не употребляйте их в дело; не показывайте их до тех пор, пока я вам не скажу.

Входная дверь была отворенной, посетитель вошел, не позвонив, и поднялся на несколько ступенек, но тут он точно заколебался и мы услышали, как он начал спускаться. Дюпен бросился к двери; посетитель снова стал подниматься. На этот раз он постучал к нам.

– Войдите, – весело и добродушно сказал Дюпен.

Вошел человек, очевидно, моряк, – сильный, крепкий и мускулистый, с смелым и приятным лицом, но почти совершенно закрытым усами и бакенбардами. При нем была только толстая палка. Он неловко поклонился нам и сказал приветствие простонародным наречием, указывавшим, однако, на его парижское происхождение.

– Садитесь, почтеннейший, – сказал Дюпен; – я полагаю, что вы пришли поговорить насчет вашего орангутанга. Я завидую вам, он замечательно хорош и, вероятно, дорог. Сколько ему лет?

Матрос глубоко вздохнул, с видом человека, у которого свалилась тяжесть с плеч, и твердо сказал:

– Наверное не знаю, но думаю, что ему года четыре или лет пять... Он у вас здесь?

– Конечно, нет. У нас нет удобного места, и он заперт в манежной конюшне в улице Дюбур. Вы можете получить его завтра утром. Можете вы доказать свои права?

– Да, сударь, конечно.

– Мне, право, жаль расстаться с ним, – сказал Дюпен.

– Я понимаю, – сказал матрос, – что вы не даром трудились. Я с удовольствием дам вознаграждение человеку, поймавшему его, но, конечно, небольшое вознаграждение.

– Хорошо, – отвечал Дюпен, – все это совершенно справедливо. Но что же вы дадите? А знаете ли, какую награду я попрошу у вас? – расскажите мне все, что вы знаете об убийствах в улице Морг.

Дюпен произнес последние слова тихим и спокойным голосом. С тем же спокойствием он отправился к двери, запер ее и положил ключ в карман, достал из-под сюртука пистолет и так же спокойно положил его на стол.

Лицо матроса побагровело, как будто он готов был тотчас же задохнуться. Он вскочил и схватил палку, но через секунду снова опустился на стул, сильно дрожа и побледнев, как полотно. Он не мог произнести ни слова. Мне стало его жаль.

– Друг мой, – сказал Дюпен самым ласковым голосом, – вы беспокоитесь напрасно. Мы не желаем вам зла и честью клянусь, что мы не имеем на вас никаких злых видов. Я знаю, что вы невиновны в убийстве в улице Морг. Но это все-таки не значит, что вы вовсе не причастны к делу. Из того, что я сказал, вы можете судить, что я имел возможность кое-что

узнать. Теперь для нас все ясно. Вы ничего не могли сделать для избежания преступления и ни в чем невиноваты. Вам нечего скрывать, и нет никакой причины скрываться. С другой стороны, вы, как честный человек, обязаны рассказать все, что вы знаете. В настоящее время невинный человек заключен в тюрьму и обвинен в преступлении, вам известном.

Пока Дюпен говорил, матрос почти совершенно пришел в себя; но вся его первоначальная отвага исчезла.

– Господь да поможет мне! – сказал он, помолчав немного, – я расскажу вам все, что знаю; но не надеюсь, чтобы вы и в половину поверили мне, да и глупо было бы надеяться! А между тем я невинен; я расскажу все, хотя бы мне это стоило жизни.

Вот сущность того, что нам рассказал матрос. Он недавно ездил на Индейский архипелаг. Несколько матросов, в числе которых был и он, высадились в Борнео и пошли во внутрь страны на экскурсию. Он с одним из товарищей поймал орангутанга; товарищ умер, и он один остался владельцем животного. После многих хлопот при переезде, матрос, наконец, перевез орангутанга в Париж в свою собственную квартиру и, чтобы не привлекать назойливого любопытства соседей, тщательно запер животное, пока не вылечил его от раны на ноге, которую он нанес себе на корабле. Матрос хотел, во что бы то ни стало, продать своего зверя.

Раз ночью или, лучше сказать, утром, – в утро убийства, – возвратившись с попойки, матрос нашел орангутанга в своей

спальне, вместо соседней комнаты, где он считал его плотно запертым. С бритвою в руке и весь вымазанный мылом, орангутанг сидел перед зеркалом и собирался бриться, потому что, вероятно, видел когда-нибудь за таким занятием в замочную скважину своего хозяина. В ужасе при виде такого страшного оружия в руках животного, способного употребить его в дело, матрос в первые минуты не знал, на что решиться. Обыкновенно он умирал обезьяну в минуты ее самого сильного раздражения ударами плети, потому и на этот раз хотел прибегнуть к тому же средству. Но на этот раз орангутанг прыгнул в дверь, побежал по лестнице и выпрыгнул через окно на улицу.

Француз в отчаянии бросился за ним. Орангутанг, держа бритву, останавливался от времени до времени, обертывался, делал гримасы бежавшему за ним хозяину, и когда видел, что тот догоняет его, снова убегал. Эта охота длилась довольно долго. На улицах было совершенно пусто. Наконец, внимание орангутанга было привлечено светом в открытом окне четвертого этажа. Он бросился к стене, увидел громовой отвод, с невообразимой ловкостью влез наверх, уцепился за ставень, совершенно отворенную, и, упираясь в него, прыгнул в комнату прямо на кровать.

Все это совершилось быстрее, нежели в минуту. Прыгнув, орангутанг откинул ставень опять к стене.

Матрос и обрадовался, и испугался: он надеялся поймать зверя и испугался, что животное может наделать каких-ни-

будь бед. Эта последняя мысль заставила матроса пуститься за своим беглецом. Матросу оказалось нетрудным взобраться по отводу, но когда он добрался до четвертого этажа, окно которого оказалось довольно высоко, он затруднился. Он мог только приподняться и взглянуть, что делается в комнате, и – чуть не упал от ужаса, взглянув в окно... В это-то самое время и начались крики, разбудившие жителей улицы Морг.

Г-жа Эпене и дочь ее, неодетые, вероятно, разбирали бумаги в шкатулке. Шкатулка была отворена и бумаги разбросаны по полу. Женщины сидели спиною к окну и, судя по времени, которое прошло от той минуты, как орангутанг вскочил в комнату, и до первых криков, они, конечно, не заметили обезьяны. Хлопанье ставня они, вероятно, приписали ветру.

В то время, как матрос взглянул в комнату, страшный зверь ухватил за волосы г-жу Эпене, вероятно, чесавшуюся, и махал бритвой перед ее лицом, подражая движениям цирюльника. Дочь лежала неподвижно на полу; она была в обмороке. Крики и усилия старухи, во время которых орангутанг вырвал ей волосы, привели в ярость его, по всей вероятности, сначала кроткие намерения. Быстрым ударом он почти отделил голову от туловища, и вид крови привел его в остервенение. Скрежеща зубами и сверкая глазами, орангутанг бросился на тело молодой девушки, втиснул ей в шею когти и оставил ее только тогда, когда задушил. В эту минуту

орангутанг увидел искаженное ужасом лицо своего хозяина.

Ярость животного, хорошо знавшего страшную плеть, тотчас же перешла в страх. Зная, что оно заслужило наказание, оно, по-видимому, хотело скрыть кровавые следы своего преступления и, прыгая по комнате в нервном волнении, опрокидывало мебель и раскидывало вещи. Наконец, животное схватило тело девушки и засунуло его в трубу, а тело старухи выбросило в окно.

Когда обезьяна приближалась к окну с своей изуродованной жертвой, испуганный матрос наклонился и спустился скорее по отводу, боясь последствий этой страшной резни. Слышанные голоса и были его возгласы ужаса и яростное ответное рычанье обезьяны.

Мне нечего более прибавлять. Орангутанг спустился из комнаты по отводу раньше, чем выломали дверь. Пролезая через окно, он, вероятно, затворил его. Впоследствии он был пойман самим хозяином и дорого продан в Ботанический сад.

Мы сообщили подробности дела префекту полиции, и Лебона выпустили.